Театр и жизнь 1886 г. N 151

Лист 1

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГАЗЕТѢ „ТЕАТРЪ И ЖИЗНЬ".

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢСТИ.

(отъ нашего корреспондента).

Въ короткій промежутокъ времени на двухъ сценахъ и на двухъ различныхъ языкахъ мы имѣли случай познакомиться съ двумя театральными новинками съ одинаковою моралью, громко вопіющей объ опасности для благовоспитанныхъ молодыхъ людей чрезмѣрныхъ увлеченій обольстительными прелестями, такъ называемыхъ, «погибшихъ, но милыхъ созданій». Въ субботу, 25 января, наша французская труппа, въ первый разъ, исполнила на сценѣ Михайловскаго театра комедію А. Доде и А. Бело «Сафо», передѣланную изъ извѣстнаго романа Доде подъ тѣмъ же названіемъ. Въ понедѣльникъ, 27 января, русская драматическая труппа, съ своей стороны, въ первый разъ исполнила новую комедію «Болѣзни сердца», соч. кн. Мещерскаго. Менѣе удачнаго времени для постановки комедіи кн. Мещерскаго, черезъ день всего послѣ постановки «Сафо», конечно нельзя было пріискать. Зала Александринскаго театра въ понедѣльникъ наполнилась какъ разъ почти тою же публикою, которая присутствовала за два дня перестѣ тѣмъ на первомъ представленіи комедіи Доде и Бело въ Михайловскомъ театрѣ. Сравненіе, очевидно, было слишкомъ нежелательное для автора русской комедіи, которое, впрочемъ, при всякаго сравненія представляетъ собою нѣчто, крайне слабое, несовершенное. Для чего понадобилось издателю-редактору «Гражданина» на старости лѣтъ пробовать свои силы на поприщѣ драматическаго писателя, къ которому онъ, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго призванія—объясненія этому нужно искать развѣ въ одной изъ тѣхъ причудъ характера сіятельнаго публициста, которыя хорошо извѣстны всѣмъ читавшимъ его романы и его публицистическія упражненія.

Первый, нѣсколько запоздалый, дебютъ кн. Мещерскаго не въ области драматическаго творчества, могъ незаинтересовать не только нашихъ друзей и знакомыхъ кн. Мещерскаго, но и ту часть петербургской интеллигенціи, которая, отнюдь, не раздѣляя оригинальныхъ взглядовъ редактора «Гражданина», не можетъ не видѣть въ самомъ этомъ публицистѣ рѣдкій, въ своемъ родѣ, и достойный изученія экземпляръ. Къ тому же до появленія на сценѣ комедіи «Болѣзни сердца» стоустая молва разнесла по городу, что въ комедіи этой выводятся на сцену нравы высшаго петербургскаго свѣта, по знанію единственнаго между петербургскими журналистами знатока, котораго кн. Мещерскій давно самъ себѣ выдалъ привиллегію. Не удивительно, поэтому, что на первомъ представленіи комедіи кн. Мещерскаго, не смотря на увеличенныя цѣны, зала Александринскаго театра оказалась почти совсѣмъ полною.

Та часть публики, которая не принадлежала къ кругу личныхъ друзей и знакомыхъ автора, вышла изъ театра значительно разочарованною въ своихъ надеждахъ увидѣть сколько нибудь новое и яркое изображеніе жизни петербургскаго beau-monde'а, но за то, другая часть публики, хлынувшая въ театръ, очевидно, какъ на какое-то семейное торжество, дружно поддержала дорогаго имянинника-автора и достаточно ему удовольствіе нѣсколько разъ появляться и раскланиваться передъ публикою изъ директорской ложи (выходить на сцену вмѣстѣ съ актерами, какъ дѣлаютъ это теперь всѣ наши драматурги, сіятельный авторъ считалъ, очевидно,—ниже своего достоинства).

При всемъ уваженіи къ чувствамъ дружбы, товарищества и иныхъ связей, руководившихъ облеченными во фрачныя пары джентельменами при выраженіи громкихъ знаковъ одобренія пьесѣ знакомаго автора, долгъ безпристрастія вынуждаетъ меня констатировать, что поощренія первому драматическому опыту кн. Мещерскаго далеко превзошли дѣйствительно достоинства этого перваго опыта Никакихъ новыхъ чертъ нравовъ аристократическаго петербургскаго свѣта

Лист 2.

комедіи кн. Мещерскаго намъ рѣшительно не хватъ. Такихъ аристократовъ, какихъ показываетъ намъ кн. Мещерскій, мы уже множество разъ видѣли на сценѣ и къ удивленію въ комедіи кн. Мещерскаго присвоиться эти являются болѣе безобразно карикатурными, чѣмъ въ комедіяхъ иныхъ, не титулованныхъ и лично не принадлежащихъ къ высшему свѣту писателей. Къ тому же, представителей аристократическаго общества въ пьесѣ кн. Мещерскаго гораздо меньше, чѣмъ представительницъ demi-monde'а, къ которому обязательно должны будто бы принадлежать, по мнѣнію кн. Мещерскаго, всѣ оперточныя артистки. Эти кокотки, привлекающіяся знаніемъ артистокъ, все время шокируютъ даже не особенно щепетильныхъ зрителей наглостью, рискошью и говора и манеръ. И откровенно, каюсь, ожидалъ что рыночный тонъ и рыночныя ухватки дамъ полу-свѣта, которыя такъ много говорятъ, доходятся и, да къ несчастью, еще и поютъ въ пьесѣ кн. Мещерскаго, должны были бы, прежде всего, покоробить особенную для Александринскаго театра публику, временно перелетывавшую сюда изъ Михайловскаго театра. Ничуть не бывало. Слушали и аплодировали. О, дружба, это ты!

Единственный положительный типъ въ пьесѣ кн. Мещерскаго,—типъ ангела-дѣвушки—княжны Мери до того отдаетъ обманщиковъ сказъ искусственностью, что даже такой любимицы публики, какъ г-жа Сакона, нѣтъ никакой возможности помирить публику съ этою противоестественною ролью!

Изъ пьесы Хвостовъ г. Нечаевъ долженъ бы быть, вѣроятно, по замыслу автора и благовоспитаннымъ и благороднымъ и не глупымъ отъ природы, но только слабохарактернымъ и легко увлекающимся юношей. Но, къ сожалѣнію, мы, увы, видимъ передъ собою совершеннѣйшее ничтожество, жалкаго пошлика, потому что только совершеннѣйшій пошлякъ можетъ серьезно увлечься такою грязно-пошлою и совершенно уже не развитою рыночною торговкою, какою изображаетъ пѣвицу-кокотку Марцелу г-жа Абаринова 1. Зная добросовѣстность и старательность этой артистки, я вполнѣ убѣжденъ, что она исполняла свою роль, согласно указаніямъ автора, а не по собственному капризу. Если же г-жа Абаринова 1 изображала изъ себя именно то, что хотѣлъ изобразить авторъ, то нѣтъ рѣшительно никакой возможности для зрителя сколько-нибудь интересоваться судьбою свѣтскаго молодаго человѣка, представителя золотой молодежи, способнаго до упиженія, до подлости увлекаться подобною женщиною.

Какая разница у французовъ, у Доде и Бело. Тамъ, и Фанни Легранъ, по прозванію Сафо, хотя и гораздо ниже Марсеи падшая, но все еще, дѣйствительно, полная обаянія женщина, которою дѣйствительно, можетъ увлечься молодой человѣкъ и не будучи идіотомъ. Тамъ, вы, дѣйствительно, можете съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за всѣми перепетыми страданій прекраснаго молодаго человѣка, легкомысленно связавшаго свою судьбу съ судьбой недостойной женщины. Тамъ, дѣйствительная, жизненная драма, а тутъ одинъ, нисколько не занимательный, хотя и крайне циничный, анекдотъ. Правда и то, что и исполненіе у французовъ, въ лицѣ г. Гитри—и г-жи Лиры Ментъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ исполненіемъ хотя бы и «лучшихъ силъ» александринской труппы. Обидныя для русскаго сердца выводы, но вѣдь какъ же отъ нихъ отрѣшиться? И нужно ли было дирекціи такъ не кстати поторопиться постановкою комедіи кн. Мещерскаго, какъ разъ черезъ день послѣ постановки «Сафо», на сценѣ Михайловскаго театра!

Петербуржецъ.